

Л. В. Королькова

Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России

В год празднования столетия Российского Этнографического музея (2002) мы с благодарностью вспоминали людей, стоявших у истоков формирования его уникального собрания. Среди них был и Николай Иванович Репников, деятельность которого была высоко оценена современниками, но о котором сегодня мало кто знает, за исключением специалистов. Такая ситуация вполне объяснима, так как многие страницы жизни ученого не известны: после его смерти не осталось ни личных дневников, ни воспоминаний современников.

В архивах нашего музея и ИИМКа сохранились немногочисленные документы, позволяющие лишь наметить основные этапы научной деятельности Н. И. Репникова, связанной с исследованиями Северо-Запада России.

Объединить в одно целое разрозненный материал и представить себе «достойного ученика» А. А. Спицына стало возможным только после того, как автор сама в 1990-х гг. неоднократно побывала там, где в начале XX в. пролегли исследовательские маршруты Николая Ивановича. И только тогда отрывочные записи архивных дел помогли пролить свет на непростую судьбу ученого-«первопроходца» и его роль в комплексном изучении истории Северо-Западного региона.

Н. И. Репников родился в Петербурге 9 апреля 1882 г. в крестьянской семье. Отец его был родом из д. Больше-Щипенская Онежского у. Посадной вол. Мать — из д. Яхново, что находилась на правом берегу Сяси в Новолодожском у. Отец работал бурлаком на лесных сплавах Громовых, мать вела хозяйство и занималась воспитанием сына, позже определив его на учебу в коммерческое училище, которое он окончил в 1900 г. Училище давало среднее образование и возможность продолжить учебу. Интерес к «древностям», проявившийся еще в юношеские годы при посещении Старой Ладogi, определил дальнейшую судьбу молодого Репникова. В 1902 г. он поступил в Археологический институт; с этого же времени началась его трудовая деятельность в качестве внештатного сотрудника Археологической комиссии. В двадцатилетнем возрасте Николай Иванович начал и самостоятельные полевые исследования в Бежецком и Весьегонском у. Тверской губ., в Демянском у. Новгородской губ. В 1903 г. он проводит первую разведку на Земляном городище Старой Ладogi.

Спустя год Репников успешно завершает учебу в Археологическом институте и получает звание его члена-сотрудника. Но на этом его обучение не заканчивается. После полевого сезона 1904 г., проведенного в Крыму, он поступает вольнослушателем на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Годы учебы в университете были временем становления Репникова как археолога-полевика, искусствоведа и этнографа. Немалую роль в этом сыграли его старшие коллеги и

друзья. Так, в начале своей археологической карьеры, в Крыму, судьба свела и связала его на долгие годы с замечательным человеком — С. П. Петренко, который был надсмотрщиком над археологическими работами Керченского музея древностей. Позже, вспоминая своего друга и учителя, Николай Иванович писал: «...Семен Петрович вводил меня в самую сокровенную своих знаний и опыта, выработанного долгим и пристальным наблюдением, смею утверждать, недоступного большинству наших археологов».¹

В 1908 г. в Херсонесе Николай Иванович заболел малярией, перешедшей в крупозное воспаление легких. Он остался жив только благодаря заботам С. П. Петренко, который, по словам Репникова, «выносил его на руках как нянька». Едва оправившись от болезни, Николай Иванович начал готовиться к археологическим раскопкам в Новоладожском у. В августе 1909 г. на свои личные средства он организовал работы в Старой Ладогe (спустя несколько лет коллекция вещей из этих раскопок была передана в дар Этнографическому отделу Русского музея).² В сентябре этого же года он осуществил поездку в Тихвинский р-он с целью проведения разведки в районе д. Городище (р. Сясь).

В 1910 г. началось сотрудничество исследователя с Этнографическим отделом Русского музея. Н. И. Репников числился коллежским регистратором отдела и хранителем археологической коллекции музея, которая к тому времени насчитывала свыше пяти тысяч предметов. В те годы Этнографический отдел вел активную работу по пополнению своих фондов и был заинтересован в получении новых археологических материалов по Северо-Западу России. А поскольку первые же небольшие исследования Земляного городища дали интересные вещи, Отдел счел необходимым содействовать проведению раскопок.

В 1910 г. на археологические изыскания в Старой Ладогe была ассигнована значительная сумма. Исследования длились с 5 мая по 12 июня. В этот полевой сезон были заложены десять разведочных шурфов в разных частях городища. Результаты раскопок убедили Николая Ивановича в том, что памятник уникален и требует серьезных планомерных исследований. В феврале 1911 г. он подал докладную записку в Этнографический отдел Русского музея, в которой писал: «...в случае желания Этнографического отдела продолжать начатые на Земляном городище Старой Ладогe археологические исследования имею честь представить нижеследующие соображения. Разведочные работы 1910 г. обнаружили по всей площади Земляного городка остатки деревянных построек, относящихся к норманскому и донорманскому периодам истории Ладогe. Эти же разведки с наглядностью показали невозможность в будущем проводить исследования отдельными ямами, хотя бы и значительных размеров, по той простой причине, что при таких исследованиях не представляется возможным восстановить план открываемых построек, сохранных счастливым случаем от такой глубокой старины. Мне представлялось бы желательным начать систематическую работу сплошным перевалом от того участка городской площади, где в 1910 году обнаружены остатки вымостки древней улицы, ведущей к каменному храму Святого Климента (1153 г.). Благодаря сырости грунта, вымостка эта сохранилась настолько хорошо, что дерево приходится рубить топором... начав работы вдоль улицы древнего города, будет возможно очистить в полном объеме ряд изб со служебными постройками и восстановить план русской избы X века. Нет сомнений, что при таких работах встретятся разнообразные деревянные изделия домашнего обихода, равно нельзя отрицать возможности находок резных наличников, балясин и прочих деталей».³

Наряду с необходимостью продолжения работ в Старой Ладогe, Н. И. Репников поставил вопрос и об охране памятника, так как вся площадка городища находилась во владении Георгиевской церкви и была занята огородами, покосами и постройками. Однако памятник разрушался не только в результате хозяйственной деятельности, но без ведома служителей церкви на нем велись несанкционированные раскопки. По этой причине между исследователем и причтом Георгиевской церкви возник конфликт. Несмотря на полную компенсацию поврежденных во время работ участков огорода и сенокосов (значительно превышающую их стоимость), «раскопки на городище, — по словам Николая Ивановича, — встречали со стороны местного причта прямо-таки враждебное отношение, и во время их производства не один раз приходилось прибегать к содействию местных полицейских властей.»⁴

В сентябре 1911 г. в очередной докладной записке в Этнографический отдел Репников вновь поднял проблему «охраны памятника от вандализма и уничтожения со стороны причта». Он настоятельно рекомендовал Отделу связаться с Археологической комиссией, «дабы она возбудила вопрос о Земляном городище Ладоги в соответствующих установлениях, выработала бы раз и навсегда то нормальное положение, при котором возможны лишь строго научное систематическое исследование городища и охрана его от вредной для его археологического содержания эксплуатации». Далее исследователь указывал на желательность договоренности между Императорской Археологической комиссией и Духовным ведомством по вопросу «выяснения раз и навсегда роли и прав получившего открытый лист».⁵ Н. И. Репников сумел убедить сотрудников Этнографического отдела в необходимости принятия срочных мер, и уже в апреле 1912 г. Духовная консистория уведомила Археологическую комиссию о том, что Санкт-Петербургское епархиальное начальство, рассмотрев ходатайство об оказании содействия к продолжению работ, начатых на городище в 1910–1911 гг., дало необходимые предписания причту Георгиевской церкви и запретило распашку площадки памятника парным плугом.⁶

Все эти тягбы во время проведения работ в Старой Ладогe отнимали у Репникова много времени и сил, однако, это не коим образом не сказалось на качестве проведенных исследований, так как на раскопе все время присутствовал С. П. Петренко: в 1910 г. Николай Иванович вызвал его из Керчи «для производства работ на городке», и Петренко, как всегда, «прибыл аккуратно». Вспоминая годы совместной работы на городище, Николай Иванович писал: «С деревянными постройками он (С. П.) обошелся по-деликатному, так навряд ли кто-либо раньше него сумел бы; очистка деревянных конструкций производилась исключительно им или при бдительном его наблюдении и была выполнена образцово».⁷

Можно сказать, что тогда, параллельно с археологическим исследованием памятника, выработывалась и совершенствовалась методика исследования северного средневекового города. Раскопки производились широкой площадью, по пластам, с фото- и графической фиксацией вскрытых объектов; для удаления отработанной земли из раскопа использовались вагонетки (они были предоставлены инженером А. К. Верещагиным, чье имение «Михайловка» находилось вблизи Старой Ладоги).

Следует также отметить, что уже в те годы Н. И. Репников ставил вопрос о необходимости постоянного наблюдения над земляными работами в Старой Ладогe. Так, при содействии Этнографического отдела в 1913 г. была достигнута договоренность с попечителем Старо-Ладожского кредитного общества князем Н. И. Шаховским о допуске на предприятия по его указанию строительно-земляные работы археологов, коим разрешалось собирать все предметы древности, встречающиеся во время работ.⁸

При непосредственном участии Н. И. Репникова был собран уникальный фотоматериал по раскопкам Староладожского городища (фототека РЭМ, кол. №№ 1847, 2467, 2821) и церкви Святого Климента (кол. №№ 2468, 2716). В целом, в фототеке РЭМ хранятся 14 коллекций, на фотографиях которых запечатлены памятники истории и культуры Северо-Запада России. Это снимки культовых построек на погостах и в монастырях; внутреннего убранства церквей и часовен у дд. Большая Нивуя, Веретье, Лынна, Кумин Бор, Симанково, Славково, Чаплино и др.; деревянных и каменных крестов в дд. Бор, Дубовики, Елешня, Заполск, Княщина, Неважа; сопки у населенных пунктов Горчаковщина, Дубовики, Архангельское; священных деревьев. Особо следует отметить уникальную подборку фотографий, на которых запечатлены надгробные деревянные домовины старообрядческого кладбища около д. Моршашка Новоладожского у. (кол. № 2460). В фототеке также имеются материалы, переданные Н. И. Репниковым в дар Этнографическому отделу. Среди них фотографии, снятые во время археологических разведок в районе Чудского городища на р. Сясь и у д. Мишкино (средневековый некрополь). Все эти фотоколлекции имеют особую ценность для изучения традиционной культуры населения Северо-Запада России, так как на большинстве снимков запечатлены редкие, уникальные памятники, многие из которых были утрачены в середине XX в.

Как этнограф-полевик Николай Иванович проявил себя во время экспедиции 1912 г. в нижнее Поволжье, где им были собраны этнографические материалы, пополнившие фонд нашего музея, посвященный русской этнографии. Среди новых поступлений были резная и расписная мебель, предметы домашней и церковной утвари (кол. №№ 2413, 2414, 2415).

Заслуживает внимания и тот факт, что Н. И. Репников не только фиксировал памятники старины, но и старался сделать все возможное для их сохранности. Так, в 1910 г. во время посещения Изборска он констатировал почти полное уничтожение каменных крестов в окрестностях города. Особое беспокойство исследователя вызывал «Труворов крест» и погребения, которые находились под ним, часть из которых к тому времени уже была разграблена. В декабре 1911 г. Николай Иванович подал заявление в Этнографический отдел, в котором писал, что он «берет на себя смелость предложить Отделу перевезти этот памятник в Русский музей». Совет Этнографического отдела, заслушав заявление Репникова, принял решение об обращении в Археологическую комиссию за соответствующим разрешением.⁹ Однако как обстояли дела дальше не известно.

В начале Первой мировой войны Н. И. Репников организовал ряд экспедиционных выездов на северо-восток Новгородской губ. Осенью 1916 г. в качестве ратника ополчения он был призван в армию. После демобилизации в марте 1918 г. он вернулся в Петроград и весь период Гражданской войны работал в Главархиве в качестве секретаря, руководил эвакуацией архивных областных фондов.

В 1922 г. Николай Иванович вновь возобновил сотрудничество с Русским музеем, принимал участие в экспедициях, работавших в Поволжье. В 1920-е гг. Репников уделял много времени изучению древнерусского искусства и был в курсе всех археологических «новостей». Так, в 1924 г. во время строительных работ, проводимых у разъезда Пупышево Вологодской железной дороги, работники Волховстроя обнаружили средневековый могильник. Вещи из погребений оказались у рабочих. Только благодаря вмешательству

исследователя, удалось собрать 25 предметов (средства на их приобретение дал В. И. Равдоникас). Позже, когда Владислав Иосифович продавал эту коллекцию, Репников сделал все возможное для того, чтобы она оказалась в собрании Этнографического отдела.¹⁰

За заслуги в деле изучения местного края Николай Иванович был избран почетным членом Тихвинского отделения Ленинградского окружного общества краеведения. В 1928 г. научная общественность отмечала двадцатипятилетие его «бескорыстного служения археологии». Вклад Н. И. Репникова в науку был высоко оценен А. А. Спицыным, Н. Я. Марром, И. Э. Грабарем, В. И. Равдоникасом, Н. Г. Порфиридовым и В. И. Рассказовым.¹¹

В 1929 г., находясь на службе в ГАИМКе, исследователь вновь обратился к памятникам истории Новгородской земли. Он кропотливо собирал и систематизировал материалы по средневековым грунтовым могильникам — «жальникам». Этот труд был опубликован в «Известиях ГАИМК», правда, с некоторыми сокращениями, так как ряд положений автора, по словам редактора, свидетельствовал «о его приверженности к старым традициям археологии».

Во время научных поездок в Тихвинский край, Николай Иванович проявлял интерес и к этнографическим материалам, особенно к местным святыням: священным источникам, деревьям, крестам. Он лично осмотрел и записал сведения о священном ключике у д. Бор (р. Сясь), где согласно местному преданию было явление иконы Казанской Божьей матери; в Шиженском, Пашекожельском и Шугозерском погостах зафиксировал священные сосны и деревянные кресты. Интересная информация была получена о заветных праздниках, на которых происходили коллективные трапезы с закланием баранов или быков (дд. Будогоща, Пялья, Дерново, погосты Шижня и Масельга).

В Шиженском погосте Н. И. Репников зафиксировал информацию, полученную от настоятеля храма Н. Георгиевского, о том, что в данном месте в Петров день («iskonи») убивали «обещанных» быков и коров; их мясо шло на общественные трапезы, а шкуры в пользу храма. Этот обычай долго сохранялся среди населения, и все попытки его искоренения встречались населением враждебно. Так, в 1768 г. священник Ефим Рождественский за попытку проведения этого ритуала был утоплен в колоде, а в середине XIX в. по этой же причине чуть было не сожгли в собственном доме священника Андрея Кубецкого. Обряд существовал вплоть до 1924 г.¹²

В погосте Масельга исследователь записал, со слов церковного сторожа Н. Тимофеева, местное предание, связанное с появлением на лугу перед церковью в Троицын день двух оленей, одного из которых убивали для общественного пира, а другой успевал убежать. Олени перестали появляться, когда сразу убили двух животных, и тогда на праздник стали закалывать завещанных быков.¹³ Впоследствии эти записи пригодились Николаю Ивановичу при подготовке книги «Материалы по пережиткам языческих верований», которую Репников должен был написать по договору с Новгородским государственным музеем.¹⁴ Черновик этой работы хранится в архиве ИИМК.

Весной 1938 г. Н. И. Репников в качестве консультанта был приглашен в Старую Ладугу, где в то время уже находилась научная база кафедры археологии Ленинградского университета.¹⁵ А незадолго до этого ученый совет ЛГУ, рассмотрев вопрос о вкладе

исследователя в изучение памятников археологии, 28 июня 1938 г. присвоил Н. И. Репникову ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.

В начале июля Николай Иванович выехал к месту проведения раскопок. К сожалению, эта поездка закончилась трагически: выходя из квартиры В. И. Равдоникаса (начальника Староладожской экспедиции), Н. И. Репников поскользнулся на лестнице и упал с высоты второго этажа. С тяжелыми переломами он был доставлен в больницу, где ему пришлось пройти длительный курс лечения. В конце декабря 1938 г. он был переведен на инвалидность, однако пенсию Горсобес ему не назначил, мотивируя свой отказ отсутствием необходимого непрерывного трудового стажа. Тогда хлопоты о трудоустройстве Репникова взял на себя Н. И. Чернягин. После его многочисленных ходатайств в ноябре 1939 г. Николая Ивановича вновь приняли на работу в ИИМК.

О Николае Ивановиче Репникове как о человеке известно немного. Коллеги исследователя отмечали, что он отличался «гуманным и глубоким отношением к делу... чутким и умелым подходом ко всем, кто с ним работал, особенно к рабочим». Что же касается каких-то отрицательных черт его характера, то современники говорили следующее: «...если же они есть, как у всякого человека, то они настолько ничтожны, что растворяются в его достоинствах».¹⁶ Несомненно, что 30-е гг. XX в. наложили свой отпечаток на характер Репникова, но с уверенностью можно утверждать, что гуманное и чуткое отношение к людям он сохранил до конца жизни. Известно, что после тяжелой болезни (весной 1940 г. Николай Иванович перенес тяжелую форму гриппа и пневмонию), озабоченный судьбой дочери генерала Бранденбурга, он предпринял поездку в Старую Ладугу к В. И. Равдоникасу, которого просил повлиять на ход дела, полагая, что при вынесении решения непременно прислушаются к мнению такого известного человека.

25 декабря 1940 г. Н. И. Репников скончался. За свою творческую жизнь он написал 42 работы. Великая Отечественная война помешала изданию его книги о раскопках в Старой Ладуге. В 1948 г., возобновляя издательскую деятельность, Государственный музей этнографии посвятил свою первую публикацию памяти Николая Ивановича.¹⁷ Однако судьба этого издания печальна. Почти весь тираж в 500 экземпляров пролежал в библиотеке музея многие годы. Издание стало доступным лишь небольшому кругу ленинградских археологов.

Примечания

¹ Архив ИИМК, ф. 10, д. 25, л. 2.

² Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, л. 497, л. 8.

³ Там же, л. 6–7.

⁴ Там же, л. 19.

⁵ Там же, л. 20.

⁶ Там же, л. 764, л. 49.

⁷ Архив ИИМК, ф. 10, д. 25, л. 9.

⁸ Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, л. 497, л. 49.

⁹ Там же, л. 764, л. 41.

¹⁰ Там же, л. 252, л. 1.

¹¹ Архив ИИМК, л. 23, л. 14–33.

¹² Там же, л. 15, л. 95.

¹³ Там же, л. 98.

¹⁴ Там же, л. 23, л. 89.

¹⁵ Там же, л. 103, 108, 110.

¹⁶ Там же, л. 50, 51.

¹⁷ Репников Н. И. Старая Ладуга. Л., 1948.